

Щеголев А.В.

Закон Юлия об оскорблении величия в Кодексе Юстиниана

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2168>]

[Публикация работы:]

Щеголев А.В. 1999: Закон Юлия об оскорблении величия в кодексе Юстиниана // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (4), 108-115.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ЗАКОН ЮЛИЯ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ ВЕЛИЧИЯ В КОДЕКСЕ ЮСТИНИАНА

В данной статье мне бы хотелось, рассмотрев содержащиеся в Кодексе Юстиниана конституции, относящиеся к закону Юлия об оскорблении величия, проследить те изменения, которые произошли в толковании этого закона со времен правления династии Юлиев – Клавдиев. Как известно, было четыре закона об оскорблении величия: закон Апулея (103 или 100 г. до н. э.) – первый закон о величии; Вария (90 г. до н. э.); Корнелия (81 г. до н. э.); Юлия Цезаря (46 г. до н. э.) и Юлия Августа (8 г. до н. э.), который и является предметом данной статьи. Текст самого закона до нас не дошел, и о его содержании можно судить наряду с данными традиции лишь по содержащимся в произведениях классических юристов комментариям к этому закону (Дигесты, Сентенции Павла), Институциям Юстиниана, конституциям императоров, толкующих действующие законы (Кодексы Феодосия и Юстиниана). Итак, обратимся к Кодексу Юстиниана.

В первой конституции, принадлежащей императору Александру Северу и датируемой 224 г., читаем: «В мое время даже по другим причинам не выносят обвинений в оскорблении величия; тем более я не позволю, чтобы ты вознамерился обвинить судью в преступлении против величия на том основании, что он, как ты утверждаешь, вынес решение несогласно с моим постановлением»¹. Здесь представляет интерес замечание, что во время правления Александра Севера «даже по другим причинам» не обвиняли в оскорблении величия. Понять, что здесь имелось в виду, может помочь сочинение известного римского юриста Юлия Павла «Пять книг сентенций к сыну», написанное им незадолго до начала правления Александра Севера. Павел, комментируя закон Юлия об оскорблении величия, пишет: «По закону Юлия об оскорблении величия привлекается к ответственности тот, с чьей помощью и по совету которого поднято оружие против императора или государства либо его войско приведено в засаду, или тот, кто без приказа императора начнет войну или произведет набор войска, или тот, кто подготавливает либо возмутит войско, так что оно изменит императору... Это преступление усиливается не только от действия, но главным образом и от нечестивых слов и проклятий»². Исходя из написанного Павлом можно предположить, что деяния, которые не приводили к подобным событиям, т. е. не представляли угрозы для римского народа и его безопасности³, и подразумевались под «другими причинами», не вызывавшими обвинений в оскорблении величия. Это предположение некоторым образом подтверждается и нарративными источниками, относящимися к эпохе Юлиев – Клавдиев. Светоний, например, указывает на терпимость Августа, Тиберия, Нерона к дурным о них отзывам (*Suet. Aug. 51; Tib. 28; Nero. 39*), а по свидетельству Тацита Тиберий часто снимал обвинение в оскорблении величия

* Щеголев Алексей Валерьевич – младший научный сотрудник, аспирант Института всеобщей истории РАН.

¹ CJ. 9. 8. 1: *etiam ex aliis causis maiestatis crimina cessant meo saeculo, nedum etiam admittam te paratum accusare iudicem propterea crimine maiestatis, quod contra constitutionem meam (eum) dicis pronuntiasse.*

² *Paul. V. 29: lege Iulia maiestatis tenetur is, cuius ope, consilio adversus imperatorem vel rem publicam arma mota sunt exercitusve eius in insidias deductus est, exercitum(ve) comparaverit sollicitaverit(ve), deseriverit imperatorem... quod crimen non solum facto, sed et verbis impiis ac maledictis maxim exacerbat.*

³ По определению Ульпиана (D. 48. 4. 1): *Maiestatis autem crimen illud est, quod adversus populum romanum vel adversus securitatem eius committitur. (Преступлением против величия является то, которое совершается против римского народа или его безопасности.)*

в тех случаях, когда речь шла об оскорбительных высказываниях в его адрес (*Tac. Ann.* I. 73, 74; II. 50; IV. 31) и даже тогда, когда дело касалось статуй и изображений принцев, причем как правящего, так и его обожествленного предшественника (*Ibid.* I. 73; III. 70). Очевидно, дело здесь не только в характере принцепса, хотя и это играло свою роль. По-видимому, в этих деяниях не было достаточной угрозы величию римского народа и государства, равно как не было и угрозы святотатства, как, например, в случае продажи земельного участка вместе со статуей обожествленного императора (*Ibid.* I. 73)⁴. Кстати, в Дигестах имеются нормы, в соответствии с которыми переделка обветшавших статуй императоров и нечаянное их осквернение, а также продажа не освященных статуй не являются основанием для привлечения к ответственности по *lex maiestatis*⁵. Правда, Марциан, которому принадлежат данные нормы, ссылается на предписания Антонина Пия и Севера, однако исходя из вышеизложенного можно предполагать, что данная норма появилась раньше, еще во времена Юлиев – Клавдиев.

Следующая конституция, также принадлежащая Александру Северу (225 г.), предписывает, чтобы тот, кто, побуждаемый гневом, поклялся именем принцепса и нарушил клятву, не подвергался обвинению в преступлении против величия⁶. Следует отметить, что и в Дигестах содержится норма, связанная с клятвой, но она предусматривает ответственность по *lex maiestatis* только за причиненный вследствие данной клятвы ущерб и никак не связана с императором, его здоровьем, жизнью и именем⁷. По всей видимости, в данном случае точка зрения римских юристов не расходилась с точкой зрения Тиберия, который, по свидетельству Тацита, заявил, что «на нарушение клятвы следует смотреть так, как если бы был обманут Юпитер»⁸. Следовательно, ложная клятва, хотя бы и именем принцепса, не вызвавшая угрозы для государства и императора, не подпадала под действие закона об оскорблении величия и не являлась святотатством, по крайней мере, в юридическом смысле. Другое дело, что в формуле присяги в свидетели призывался гений принцепса, а также принцепсы, признанные после смерти богами (*Hor. Carm.* IV. 5. 34)⁹. Более того, Тиберий даже запретил обращаться при присяге к кому-либо другому, кроме императора (*Dio. Cass. LVIII. 12. 6*), однако нарушение ее влекло за собой обвинение в оскорблении величия лишь в том случае, если в результате этого создавалась угроза безопасности римского народа.

Далее следует конституция Константина от 314 г.: «Если кто-то обвинит кого-нибудь в оскорблении величия, то всякий, уличенный в такого рода деянии, не освобождается посредством какой-либо должностной привилегии от более строгого расследования; пусть также и тот сам (кто обвинил), знает, что его вместе с тем, кто считается виновным в совершении такого рода безрассудства, следует подвергнуть пыткам, если он не смо-

⁴ По словам Тиберия, *nec contra religiones fieri, quod effigies eius, ut alia numinum simulacra, venditionibus hortorum et domuum accedant.* (вследствие того, что его (Августа – А. Щ.) статуи, как и другие изображения богов, при продаже садов и домов переходят (во владение покупателей), святотатства не совершается.)

⁵ D. 48. 4. 5: *Non contrahit crimen maiestatis, qui statuas caesaris vetustate corruptas reficit. Nec qui lapide iactato incerto fortuito statuam attigerit, crimen maiestatis commisit: et ita Severus et Antoninus Iulio Cassiano rescripserunt.* (Не совершает преступления против величия тот, кто переделает обветшавшие статуи Цезарей. Не обвиняется в преступлении против величия и тот, кто, бросив камень, нечаянно попадет в статую; так и Север и Антонин писали в ответ Юлию Кассиану.)

⁶ CJ. 9. 8. 2: *alienam sectae meae sollicitudinem concepisti, quasi crimen maiestatis sustineres, etsi servo tuo iratus esse non perseveres, quod semper te facturum inconsultius iuraveris.* Здесь, правда, не говорится прямо о том, что поклялся именем принцепса, его здоровьем или жизнью. Такое толкование данного казуса дают средневековые глоссаторы (Аккурсий, Куяций), с мнением которых, очевидно, можно вполне согласиться. См.: *Corpus Iuris Civilis Iustiniani.* Lugduni, 1627. T. 4. *Codicis liber nonus. Ad Legem Iuliam Majest. Tit. VIII.* Lugduni, 1627.

⁷ D. 48. 4. 4: *Cuiusque dolo malo iureiurando quis adactus est, quo adversus rem publicam faciat.* (Или благодаря злому умыслу которого кто-нибудь будет приведен к присяге, в результате чего совершится что либо против государства.)

⁸ *Tac. Ann.* I. 73: *Ius iurandum perinde aestimandum, quam si Iovem fefellisset.*

⁹ См. также: *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht.* Leipzig, 1887. Bd. II. S. 809.

жет доказать свое обвинение другими очевидными доказательствами. Пыткам следует подвергнуть также того, кого будут подозревать (в том), что за обвинение взялись благодаря его совету и даже побуждению, дабы установленное наказание могло быть получено всеми, знающими (об этом) деянии»¹⁰. Аналогичное предписание содержится и в конституции Валентиниана, Валента и Грациана от 369 г., где говорится: «Решительно никому, кто без совета с нами и нашего ведома подвергается пытке (на канате), не будет запрещено пользоваться защитой, связанной с военной службой, происхождением или служебным положением, за исключением только дел о величии, при которых только и находятся все в равном положении»¹¹. Также и Павел, юрист более раннего времени, в своих Сентенциях пишет, что в делах, касающихся оскорбления величия, «никакое сословие не освобождается от пыток»¹². Что касается эпохи Юлиев – Клавдиев, то, судя по данным традиции, и в этот период обвиненные в оскорблении величия подвергались пыткам независимо от того, к какому сословию они относились (*Suet. Tib. 62; Tac. Ann. III. 67; XV. 56–58*).

Следующая конституция, принадлежащая императорам Аркадию и Гонорию (397 г.), гласит: «Всякий, кто вступит в преступный заговор с солдатами, частными лицами или варварами, либо примет или даст присягу на верность самому заговору, будет, кроме того, помышлять об убийстве знатных мужей, которые участвуют в собраниях и нашем совете, а также сенаторов (ибо и сами они [сенаторы] являются частью нашего тела), либо, наконец, всякого, кто нам служит (ибо предписания права установили наказывать с той же суровостью за намерение совершить преступление, что и за совершение [его]), то сам лично, а именно обвиненный в преступлении против величия, наказывается смертью с конфискацией всего принадлежащего ему имущества в нашу казну. (1) Сыновья же его, которым мы императорской мягкостью особо оставили жизнь (так как вследствие наказания, полученного отцом, должны были погибнуть те, относительно которых бояться угрожающего примера отца, т. е. наследственного преступления), пусть считаются чужими в отношении наследства и права наследования по матери или по деду, а также всех ближайших родственников, пусть они ничего не получают по завещаниям посторонних лиц, пусть постоянно терпят нужду и бедность, пусть не достигнут совершенно никаких гражданских и военных почестей, пусть бесчестье отца всегда сопровождает их, пусть, наконец, они будут столь ничтожны, чтобы им, вызывающим презрение от постоянной нищеты, и смерть была утешением, и жизнь наказанием. (2) Наконец, мы также повелеваем, чтобы те, кто когда-нибудь попытается взяться перед нами за защиту таких презренных [людей], были, без всякого снисхождения, обесчещены. (3) В отношении дочерей, каково бы ни было их число, мы повелеваем, чтобы им досталась из имущества матери только Фальцидиева четверть, умрет ли она [мать], оставив завещание, или без завещания, чтобы они скорее имели незначительное пропитание, чем полное благосостояние и имя наследника, потому что приговор должен быть мягче в отношении тех, кто мы уверены, из-за слабости пола будут менее дерзкими. (4) Пусть также не имеют сил эманципации, совершенные вышеупомянутыми [осужденными] по крайней мере послы принятия закона, как в отношении сыновей, так и в отношении дочерей. Мы постановили, что [назначение] приданого, дарения, наконец, отчуждение какого бы то ни было имущества, о чем известно, что они совершены посредством какого бы то ни было мошенничества или на законном основании, с того момента, как только вышеупомянутые задумали совершить заговор или [создать] сообщество, никакой силы не имеют. (5) Разумеется, если жены вышеназванных, получив обратно свое приданое, оказались в таком положении, что должны оставить детям полученное от [своих] мужей в качестве дарения [имущество], то пусть они знают, что в течение времени, в которое погашается узифрук

¹⁰ CJ. 9. 8. 3: Cum eo, qui huius esse temeritatis deprehenditur, illum quoque tormentis subdi oportet, cuius consilii atque instinctu ad accusationem accessisse videbatur, ut ab omnibus commissi consilii statuta vindicta possit reportari.

¹¹ CJ. 9. 8. 4: Nullus omnino, cui inconsultis ac nescientibus nobis fidicularum tormenta offerentur, militiae vel generis aut dignitatis defensione uti prohibeatur, excepta tamen maiestatis causa, in qua sola omnibus aequa condicio est.

¹² Paul. V. 29.: Nulla dignitas a tormentis excipitur.

для недвижности – 2 года, для движимости – 1 год. – А. Щ.), все, что они были должны сыновьям, они оставят нашей казне; также и Фальцидиева четверть вследствие этого удет считаться оставленной только дочерям, а не, кроме них, еще и сыновьям. (6) То, то мы постановили в отношении вышеназванных и их детей, мы с той же суровостью олагаем и в отношении их пособников, соучастников, и даже слуг и детей их. (7) Разумеется, если кто-либо, побуждаемый желанием истинной славы, вначале задуманного аговора донесет об [этом] преступном сговоре, тот получит от нас и вознаграждение, и почет. Тот же, кто будет участвовать в заговоре, то даже если откроет с опозданием тайны замыслов (еще, однако, неизвестные), будет считаться достойным лишь освобождения и помилования»¹³.

Как видно из данной конституции, осужденный за оскорбление величия наказывался смертью, тогда как по закону Юлия Цезаря о величии 46 г. до н. э. наказанием за данное преступление служило «лишение воды и огня» (*Cic. Phil. I. IX. 22*), т. е. изгнание¹⁴. Аналогичное суждение мы встречаем и у Павла, который пишет, что «прежде таких навсегда лишали воды и огня; теперь же простонародье бросает зверям или сжигает живьем, благородных наказывают смертью»¹⁵. В эпоху же Юлиев – Клавдиев наблюдается несколько иная картина. По свидетельству источников, обвиненные в оскорблении величия наказывались либо «лишением воды и огня», либо смертной казнью (*Tac. Ann. III. 50–51; 58; Suet. Tib. 61*), причем, исходя из данных традиции, нельзя сделать какого бы то ни было предположения о том, какие деяния, подпадающие под действие *lex maiestatis*, наказывались смертью, а какие – «лишением воды и огня». Другое дело, что в этот период смертная казнь считалась мерой исключительной. Тацит, например, сообщая о процессе над претором Антистием, обвиненным в оскорблении величия, приводит такие слова, принадлежащие Тразее Пету: «Палач и петля давно упразднены, и наказания устанавливаются законами, на основании которых, невзирая на жестокость судей и бесславие времени, определяется кара»¹⁶. Безусловно, воля императора при определении строгости наказания играла значительную роль, однако дело здесь, думается, не в каких-то особых полномочиях принцепса, а в прерогативах великого понтифика и плебейского трибуна,

¹³ CJ. 9. 8. 5: quisquis cum militibus vel privatis, barbaris etiam scelestam inierit factionem aut factionis ipsius acceperit sacramenta vel dedit, de nece etiam virorum illustrium qui consiliis et consistorio nostro intersunt, senatorum etiam (nam et ipsi pars corporis nostri sunt), cuiuslibet postremo qui nobis militat cogitavit (eadem enim severitate voluntatem sceleris qua effectum puniri iura voluerunt), ipse quidem utpote maiestatis reus gladio feriat, bonis eius omnibus fisco nostro addictis: (1) Filii vero eius, quibus vitam imperatoria specialiter lenitate concedimus (paterno enim deberent perire supplicio, in quibus paterni, hoc est hereditarii, criminis exempla metuentur), a materna vel avita, omnium etiam proximorum hereditate ac successione habeantur alieni, testamentis extraneorum nihil capiant, sint perpetuo egestes et pauperes, infamia eos paterna semper comitetur, ad nullos umquam honores, nulla prorsus sacramenta perveniant, sint postremo tales, ut his perpetua egestate sordentibus sit et mors solacio et vita supplicio. (2) Denique iubemus etiam eos notabiles esse sine venia, qui pro talibus umquam apud nos intervenire temptaverint. (3) Ad filias sane eorum, quolibet numero fuerint, falcidiam tantum ex bonis matris, sive testata sive intestata defecerit, volumus pervenire, ut habeant mediocrem potius filiae alimoniam quam integrum emolumentum ac nomen heredis. Mitior enim circa eas debet esse sententia, quas pro infirmitate sexus minus ausuras esse confidimus. (4) Emancipatio, quae a praedictis sive in filios, post legem dumtaxat latam, sive in filias fuerit collata, non valeat. Dotes donationes, quarumlibet postremo rerum alienationes, quas ex eo tempore qualibet fraude vel iure factas esse constitit, quo primum memorati de ineunda factione ac societate cogitaverint, nullius statuimus esse momenti. (5) Uxores sane praedictorum recuperatas dotes, si in ea condicione fuerint, ut, quae a viris titulo donationis acceperunt, filiis debeant reservare, tempore quo usus fructus absumitur omnia ea fisco nostro se relicturas esse cognoscant, quae iuxta legem filiis debebantur: falcidia etiam ex his rebus filiabus tantum, non etiam filiis deputata. (6) Id, quod de praedictis eorumque filiis cavimus, etiam de satellitibus consociis ac ministris filiisque eorum simili severitate censemus. (7) Sane si quis ex his in exordio initae factionis, studio verae laudis accensus, ipse prodiderit factionem, et praemio a nobis et honore donabitur. Is vero, qui usus fuerit factione, si vel sero, tamen incognita adhuc consiliorum arcana patefecerit, absolute tantum ac venia dignus habebitur.

¹⁴ См. также: *Santalucia B. Diritto e processo penale nell'antica Roma*. Milano, 1989. P. 94.

¹⁵ *Paul. V. 29*: his antea in perpetuum aqua et igni interdicebatur: nunc vero humiliores bestiis obiciuntur vel vivi exuruntur, honestiores capite puniuntur. (Для honestiores предполагалась более почетная смерть – обезглавливание. – А. Щ.)

¹⁶ *Tac. Ann. XIV. 48*: Carnificem et laqueum pridem abolita, et esse poenas legibus constitutas, quibus sine iudicium saevitia et temporum infamia supplicia decernerentur.

которыми он обладал и которые давали ему возможность влиять на вынесенные сенатом приговоры (*Tac. Ann. XIV. 48*)¹⁷. Обвиненный в преступлении против величия подвергался конфискации имущества также и во времена Юлиев – Клавдиев (*Tac. Ann. III. 50; Suet. Nero. 32*), и единственным нововведением здесь является лишь то, что теперь (конец IV в.), после издания данной конституции, дочерям осужденных оставляли из имущества матери Фальцидиеву четверть. Кроме того, в соответствии с этой конституцией, все действия, совершенные обвиняемым в оскорблении величия, и связанные с отчуждением им имущества, а также эманципация детей, объявлялись недействительными, что также является новшеством. Весьма интересным здесь представляется замечание, что намерение совершить преступное деяние наказывается с той же суровостью, что и само деяние. Ничего подобного мы не находим в источниках, относящихся не только к эпохе Юлиев – Клавдиев, но и к более позднему периоду. Напротив, данные традиции свидетельствуют о том, что, как отмечалось выше, к оскорблению величия на словах (причем словах, которые уже были произнесены, и тем самым оскорбление величию было нанесено) отношение было мягче. Тацит, например, цитирует в своем сочинении речь сенатора Лепида, который заявил, что предел в наказаниях ставит в том числе «и разница, существующая между пустословием и злонамеренностью»¹⁸. Более того, Ульпиан, юрист III в. н. э., пишет: «Никто не несет наказание за умысел»¹⁹. Следовательно, лишь с конца IV в. н. э. один только умысел совершить данное преступление влек за собой обвинение по *lex maiestatis*.

Новой нормой закона об оскорблении величия является предписание о конфискации у жен осужденных полученного от мужей в качестве подарка, чего не встречается во времена Юлиев – Клавдиев и что практически ведет к ужесточению отношения к сыновьям осужденных по *lex maiestatis*. О все возрастающей строгости закона свидетельствует и включенный в Кодекс Юстиниана отрывок из сочинения Марциана *De iudiciis publicis*, где говорится о том, что после конституции божественного Марка даже после смерти преступника его можно обвинить в преступлении против величия²⁰. Что же касается бесчестия тех, кто посмеет вступить за обвиненных в оскорблении величия, то можно предположить, что уже при Юлиях – Клавдиях в законе о величии содержалась норма, предусматривающая какие-то санкции за это. Так, например, Тацит, сообщая о привлечении к суду Гая Силана, пишет, что ему было предъявлено обвинение в оскорблении величия, «чтобы никто из родных и близких не оказал помощи попавшему в беду подсудимому», ибо подобное обвинение – «оковы, налагавшие необходимость молчать» (*Tac. Ann. III. 67*), а Светоний передает, что «родственникам осужденных было запрещено их оплакивать» (*Suet. Tib. 61*). Более того, Тацит даже рассказывает о том, что одна женщина была умерщвлена только за то, что оплакивала казненного сына (*Tac. Ann. VI. 10*). С другой стороны, имеются и свидетельства иного рода. В рассказе об обвинении всадника Гая Каминия в написании порочащего Тиберия стихотворения Тацит передает, что Тиберий его «великодушно простил, вняв мольбам его брата – сенатора» (*Ibid. IV. 31*), однако данный случай был скорее всего исключением из правил и не являлся юридической нормой того времени.

Представляет интерес и положение, связанное с вознаграждением тех, кто донесет о заговоре. Причем можно предположить, что под заговором здесь понимается любое деяние, могущее вызвать смуту в государстве, а причиной этого, как писал Павел, могли быть, помимо прочего, «нечестивые слова и проклятия» (*Paul. V. 29*). Но практика награждения обвинителей, как хорошо известно, существовала и во времена Республики, и при династии Юлиев – Клавдиев. Например, после раскрытия заговора Сеяна, как пишет

¹⁷ См. также: Машкин Н. А. Принципат Августа. М., 1949. С. 398.

¹⁸ *Tac. Ann. III. 50: ...et vana a scelestis... differunt...*

¹⁹ *D. 48. 19. 18: cogitationis poenam nemo patitur.*

²⁰ *CJ. 9. 8. 6: Post divi Marci constitutionem hoc iure uti coepimus, ut etiam post mortem nocentium hoc crimen inchoari possit.*

ветоний, «обвинителям, а иногда и свидетелям, назначались особые награды» (*Suet. ib. 61*). Много подобных свидетельств имеется и у Тацита, но принципы и размеры выплачиваемого вознаграждения указываются различные. Так, при осуждении Галлы озии было предложено конфисковать половину ее имущества с оставлением за детьми другой половины, однако против этого возразил Маний Лепид, считавший, что одна четверть, как предписывает закон, должна быть отдана обвинителям, а все остальное – детям (*Tac. Ann. IV. 20*)²¹. Имущество осужденного Либона «поделили между его обвинителями» (*Ibid. II. 32*), и, мало того, обвинителям, принадлежащим к сенаторскому сословию, «вне установленного порядка были даны претуры» (*Ibid.*), т. е. *delatores* получают не только имущественное вознаграждение, но и почести. Из приведенных выше примеров видно, что, хотя и существовал определенный закон, предусматривающий вознаграждение обвинителя в размере 1/4 конфискованного у осужденного имущества²², порядок и размеры вознаграждений по делам, касающимся оскорбления величия, в период правления Юлиев – Клавдиев не были четко определены и решения по этому вопросу зависело от императора и сената, соответствующей же нормы именно в *lex maiestatis*, по сей видимости, еще не существовало.

Наконец, в содержащейся в Кодексе отрывке из сочинения Павла впервые говорится об оскорблении величия императора²³. Следует отметить, что о величии императора в мысли достоинства, авторитета писали авторы более раннего периода и относили это понятие к эпохе Юлиев – Клавдиев (*Suet. Aug. 37; Claud. 17*), но об оскорблении величия императора как о преступлении впервые пишет Павел. Очевидно, это суждение Павла, наряду с другими аргументами, дает основание некоторым исследователям говорить о том, что величие Римского государства и народа перешло на императора²⁴. В то же время в юридических источниках нигде не встречаются свидетельства того, что подобный переход имел место. Более того, в этом отрывке Павел говорит о том, что в случае преступления, связанного с оскорблением величия императора, допускается прибегать к пыткам рабов для получения от них показаний против хозяев, но то же самое Павел писал и в другом месте, где говорилось о преступлении против величия вообще (*Paul. V. 13*), подразумевая, очевидно, величие римского народа. Таким образом, исходя из юридических памятников, величие императора не подменяет собой величия Римского государства и народа, а является составной частью этого величия. Оскорбление величия императора является таким же видом *crimen maiestatis*, как измена, бунт и т. д.²⁵ Естественно, что угроза жизни и безопасности императора, равно как и «нечестивые слова и проклятия» в его адрес, т. е. в адрес особы, сосредоточившей в своих руках высшую военную и гражданскую власть и являвшейся, кроме того, священной²⁶, может повлечь за собой события, которые представляли бы угрозу для римского народа и его безопасности, а это, собственно говоря, и является преступлением против величия (*crimen maiestatis*).

Итак, подведем итоги. Прежде всего следует отметить, что закон об оскорблении величия не утратил своего сакрального характера. Даже несмотря на то, что наиболее объемная конституция императоров Аркадия и Гонория относится к 394 г., т. е. ко вре-

²¹ Речь здесь идет, очевидно, не о *lex maiestatis*, а об особом законе относительно *quadruplicatores*, получавших 1/4 конфискованного имущества в случае осуждения жертвы. Вероятно, здесь имеется в виду Закон Папия, размер вознаграждения по которому был при Нероне сокращен вчетверо (*Suet. Nero. 10*).

²² Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 268. См. также: *Tac. Ann. IV. 20*. Ср.: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 507–508*.

²³ CJ. 9. 8. 7: ...crimine, quod ad laesam maiestatem Imperatoris pertinet...

²⁴ Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1885. Bd. I. S. 823–824; Hammond M. The Augustan Principate. N. Y., 1968. P. 174; Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 211.

²⁵ Для решения вопроса о соотношении величия римского народа и императора безусловно необходимо привлечение и других видов источников.

²⁶ Hammond M. Op. cit. P. 108; Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 138.

мени, когда государственной религией было уже христианство, да и Константин, хотя и сохранял равенство всех религий и признавал свободное право каждого гражданина исповедовать какую угодно религию, однако сам склонялся к христианству²⁷, тем не менее положения об осквернении освященных статуй и изображений императора²⁸ не отменил. Не были отменены и нормы, позволявшие принимать во внимание свидетельства рабов против хозяев и вольноотпущенников против патронов, а также привлекать в качестве свидетелей женщин. Это свидетельствует именно о сакральном характере *lex maiestatis*, ибо, как известно, в гражданском праве свидетельства этих категорий населения не учитывались, и лишь в соответствии с сакральным правом, где все были равны перед богом, это допускалось. Кроме того, несмотря на тот факт, что только в V в. акт коронования превратился в церковный чин, когда императорская корона стала получаться в церкви и от церкви, и через коронование церковь делала из императорской должности особый священный чин²⁹, сам процесс сакрализации императорской власти начался значительно раньше, с эпохи Юлиев – Клавдиев, когда возник императорский культ, позволяющий рассматривать императорскую власть как происходящую из божественного начала. Это объясняет то значительное внимание, которое уделяется в данных конституциях действиям, направленным против императора, являющегося, с одной стороны, гарантом спокойствия и безопасности для государства вследствие сосредоточения в своих руках высшей военной и гражданской власти, с другой – особой священной.

В то же время, как было показано выше, в Кодексе упоминаются те правонарушения, за которые не привлекаются к ответственности по *lex Iulia maiestatis*, а именно: вынесение судебного решения вопреки постановлениям императора, нарушение клятвы, данной в порыве гнева именем принцепса, а также другие проступки, под которыми, очевидно, понимали деяния, не связанные с государственной изменой (*perduellio*) или с другой угрозой для безопасности государства.

Ужесточаются наказания. Хотя под влиянием христианства в это время наблюдается смягчение законодательства, в частности имела место тенденция к замене смертной казни обращением в рабство³⁰. Тем не менее, если при Юлиях – Клавдиях наказанием за оскорбление величия служило, кроме смертной казни, «лишение воды и огня», то теперь – только смертная казнь, причем за намерение совершить преступление наказываются с не меньшей суровостью, чем за само преступное деяние. Наряду с конфискацией имущества объявляются недействительными все действия, связанные с его отчуждением со стороны обвиненного. Более суровым становится и отношение к детям осужденных. Не имеющими силу объявляются совершенные осужденным эманципации, а для их сыновей предусматриваются такие условия существования, чтобы для них смерть была бы утешением, а жизнь – наказанием, для чего, помимо прочего, у жен осужденных отбирали в казну то, что они получили от мужей в качестве дарения.

Нововведением можно считать и включение в *lex maiestatis* нормы, предусматривающей вознаграждение обвинителей. И хотя подобная практика существовала во времена Юлиев – Клавдиев, но лишь в IV в. это стало нормой закона о величии.

Наконец, следует отметить, что в правовой мысли созревает идея о том, что величие императора является неотъемлемой частью величия римского народа и государства и, следовательно, оскорбление его величия было лишь одним из видов того, что на языке римского права называлось *crimen maiestatis*.

²⁷ Поснов М. Э. История христианской церкви. Киев, 1991. С. 258–259.

²⁸ D. 48. 4. 6: Qui statuas aut imagines imperatoris iam consecratas conflaverint aliudve quid simile admiserint, lege Iulia maiestatis tenentur.

²⁹ Зызыкин М. В. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924. С. 53–55.

³⁰ Buckland W. W. The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908. P. 403; Schulz Fr. History of Roman Legal Science. Oxford, 1946. P. 295; Удалцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана // ВВ: М., 1965. Т. 26. С. 8; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества: по данным кодексов Феодосия и Юстиниана. Л., 1980. С. 28.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что с эпохи Юлиев – Клавдиев и до IV в. *lex Iulia maiestatis* не претерпел существенных изменений с точки зрения как толкования самого понятия *crimen maiestatis*, так и сферы действия данного закона. Несмотря на то, что процесс отделения *fas* от *ius*, божественного от человеческого, начался еще с так называемой ромуловой эпохи³¹, эти понятия по-прежнему тесно переплетались в законе об оскорблении величия, а процессы об оскорблении величия по-прежнему носили не только политический, публично-правовой, но и сакральный характер. Единственное (правда, очень и очень важное) изменение, которое можно здесь отметить, связано с ужесточением этого закона в области наказания за данное преступление, что, в свою очередь, свидетельствует о том важном месте, которое закон об оскорблении величия занимал, и той значительной роли, которую он играл в системе римского государственного права.

A. V. ŠČOGOLEV

LA LEGGE DI GIULIO SULL'OLTRAGGIO ALLA MAESTÀ NEL CODICE DI GIUSTINIANO

(RIASSUNTO)

Nell'articolo vengono esaminate le costituzioni che fanno parte del Codice di Giustiniano e riguardano la legge di Giulio dell'oltraggio alla maestà e si fa intento di seguire i cambiamenti realizzatisi nell'interpretazione della legge dall'epoca dei Giulio – Claudii.

Prima di tutto bisogna notare che la *lex maiestatis* non perse il proprio carattere sacrale. Non furono abolite le disposizioni della legge sulla profanazione delle statue ed immagini consacrate dell'imperatore (D. 48. 4. 6), sulle torture degli schiavi per ottenerne delle testimonianze ecc. Viene ampliata la cerchia delle persone che possono essere sottoposte alla tortura qualora il caso riguardasse l'oltraggio alla maestà (C. 9. 8. 3), anche se in quel periodo nello stabilire la punizione si fa differenza fra gli strati sociali superiori (*honestiores*) ed inferiori (*humiliores*). Nonostante la tendenza all'attenuazione della legislazione manifestatasi in quel periodo il *crimen maiestatis* resta punito con la pena capitale (C. 9. 8. 5. 1), viene irrigidito l'atteggiamento verso i figli dei condannati secondo questa legge (C. 9. 8. 5. 1).

Si può supporre anche che la maestà dell'imperatore come una personalità che aveva

accumulato nelle proprie mani il potere supremo militare e civile, e che per di più era sacra, era la parte integrante della maestà dello Stato e del popolo romano. Quindi l'oltraggio alla maestà dell'imperatore, il crimine che viene trattato per la prima volta nel Codice (C. 9. 8. 7), era soltanto una delle forme del *crimen maiestatis*.

Basandosi sull'analisi delle fonti giuridiche e dei dati della tradizione, si può affermare che dall'epoca dei Giulio – Claudii e fino al IV s. d. C. la *lex Iulia de maiestatis* non subì sostanziali modifiche sia dal punto di vista dell'interpretazione del concetto *crimen maiestatis*, sia dal punto di vista dell'ambito della sua applicazione. I concetti *fas* e *ius* in essa sono strettamente intrecciati come prima, mentre i processi di oltraggio alla maestà avevano un carattere non solo politico e giuridico, ma anche quello sacrale. L'unica modifica, però assai importante, fu l'irrigidirsi di questa legge sia nel campo dello svolgimento dell'investigazione, sia nell'infliggere la pena per questo delitto, il che prova l'importanza della *lex maiestatis* e il ruolo significativo che essa aveva nel sistema del diritto di Stato romano.

³¹ Orestano R. I fatti di normazione nell'esperienza Romana arcaica. Torino, 1967. P. 38; Кофанов Л. Л. Обязательственное право в арханческом Риме (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994. С. 76.

